Текст · 8 июня 2022, 08:21
Павел Васильев,

«Мы по полям бродили несколько суток». В первые дни вторжения в Украину сотни росгвардейцев отказались воевать и вернулись — и теперь обжалуют свое увольнение в суде

В неразберихе первых дней вторжения российская армия несла тяжелые потери. Под Киевом и Харьковом едва ли не раньше всех оказались части Росгвардии, которые по плану должны были заниматься «охраной улиц и перекрестков» в захваченных городах, а не их штурмом. Многие бойцы отказались дальше воевать и вернулись, вскоре их уволили. Чтобы восстановить картину тех дней и разобраться, что сейчас происходит с этими военнослужащими, «Медиазона» изучила связанные с увольнениями иски в судах по всей стране и поговорила с военными и нацгвардейцами в нескольких регионах. Вот главное, что мы поняли:

- в первые дни войны бойцы Росгвардии оказались на передовой, хотя по плану должны были идти в конце и заниматься «охраной улиц и перекрестков» захваченных городов;
- к штурму Киева и Харькова они не были готовы — колонны попадали под обстрелы и несли значительные потери;
- в результате многие решили дальше не воевать и вернулись обратно, так произошло по крайней мере с бойцами из Краснодара, Хакасии, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии;

- больше всего — около 500 человек — вернулось в Кабардино-Балкарию, хотя им угрожали статусом «военных преступников»;
- уже в России с бойцами встречался генерал Росгвардии, уверявший, что их «никто не считает отказниками, вас никто не считает дезертирами»;
- но после возвращения на всех составили протоколы за совершение «грубого дисциплинарного проступка» и уволили со службы;
- по такой схеме «отказников» увольняют по всей стране;
- некоторые обжалуют увольнение в суде — больше всего исков подали в Кабардино-Балкарии (около 140) и Северной Осетии (около 40);
- пока суды всем отказывают, при этом Украину в решениях называют исключительно «местом выполнения служебного задания».

«Все те, кто пересекут границу в обратном направлении, будут считаться военными преступниками», — так подполковник Заур Икаев обратился[1] на построении к подчиненным.

Икаев — начальник штаба расположенной в Кабардино-Балкарии части 3723, которая относится к войскам Национальной гвардии России.

Разговор происходил 28 февраля, на пятый день войны, на севере Харьковской области. На построении были несколько сотен бойцов Росгвардии[2] из этой части — они приняли решение покинуть Украину, где провели уже четверо суток.

В первый же день вторжения в Украину не подготовленных к интенсивным боевым действиям нацгвардейцев, по сути, бросили на штурм Харькова. Бойцы рассказали[3] «Медиазоне», что по плану

в первом эшелоне должны были идти части Минобороны, а Росгвардия — в пятом эшелоне: ее черед наступал в то время, когда территория уже «зачищена» от украинских сил. «Потом заезжаем мы и берем объект под охрану — администрацию, СБУ, полицию — чтобы их не отбили обратно. Такой был план», — объясняет один из бойцов.

Но все пошло не по плану. Росгвардейцы говорят, что по неясным причинам попали на территорию Украины раньше, чем формирования вооруженных сил. По словам бойцов, они в основном перемещались не на бронированной технике, а на покрытых брезентом грузовиках, при этом выданное им оружие не было предназначено для атак на населенные пункты, обороняемые украинскими военными.

«У нас были АК[4], РПК[5], СВД[6], боеприпасы на каждого и по три гранаты. У нас было отделение АГС[7]-

, соответственно, у них было свое оружие. Самое тяжелое, что у нас было — БТРы», — рассказывает один из нацгвардейцев, оказавшихся под Харьковом.

«Мы просто не предназначены для этих задач», — говорит другой.

Они утверждают, что никогда не проходили соответствующей подготовки. Так, на учениях «Заслон-2022» в Курской области, откуда часть перебросили в Украину, с ними проводились занятия

по штурму здания, например при задержании банды. «Омоновцы заходят в здание, прочесывают его, а мы его окружаем, выставляем оцепление, никого не пропускаем, чтобы никто не зашел, никто не вышел, — объясняет боец. — [По сути, это занятия] по охране общественного порядка, государственных объектов. Но не по штурму города или села».

Под Харьковом нацгвардейцы попали под обстрелы и, растерявшись из-за отсутствия координации и внятного командования, через пару дней решили вернуться обратно к российской границе.

Общаясь после этого с подчиненными, подполковник Икаев предупреждал: если они поедут в Россию, на границе у них отберут оружие, а все вернувшиеся непременно попадут под проверку военной прокуратуры. «Чтоб каждый это понимал, что все, кто пересекает границу, будут военными преступниками, — повторил он свои угрозы. — Об этом издается, уже, может быть, даже издан указ-[8] президента Российской Федерации. Чтоб каждый понимал и для себя это все оценил. Я это говорю не с целью того, чтобы кого-то здесь удержать и так далее. Я просто говорю, чтобы вы знали».

Уже 28 февраля не захотевшие дальше участвовать в боях сотрудники были в Журавлевке — приграничном селе в Белгородской области. Затем они прибыли в Зорино — пункт временной дислокации в Курской области. Там они сдали оружие и 4 марта отправились в свою родную часть, в кабардинский поселок Звездный.

Сотрудники настаивают, что это было сделано с согласия руководства и никто их не держал. Позже в суде командиры будут говорить, что все эти дни уговаривали бойцов вернуться обратно, но те отказались участвовать «в выполнении служебного задания» и самовольно покинули пункт временной дислокации.

Разбираться в ситуации в Зорино приезжали двое генералов, говорят бойцы; один из них на построении уверял, что преследование им не угрожает.

В Звездный вернулись около 500 бойцов. Несмотря на все заверения, вспоминают нацгвардейцы, на них составили протоколы за грубый дисциплинарный проступок. В итоге в течение марта и в начале апреля были уволены около 500 военнослужащих — все вернувшиеся из-под Харькова.

Это не единственный известный случай массового отказа военных или сотрудников Нацгвардии участвовать в боевых действиях на территории Украины, но самый многочисленный. Помимо бойцов из Кабардино-Балкарии, известно о значительном числе отказников из Краснодара, Пскова, Владикавказа, Хакасии и Крыма. Со всеми поступили точно так же — уволили со службы.

Колонны под обстрелом, скитание по полям и возвращение в Россию

Росгвардейцы, которых бросили на штурм Харькова, по сути, встали перед выбором: либо потерять жизнь под обстрелами, либо вернуться и в итоге

потерять службу. В первые дни войны Росгвардия несла тяжелые потери, источники говорили о гибели бойцов кемеровского СОБРа под Киевом, владимирского — под Харьковом. По подсчетам «Медиазоны», к 3 июня стало известно о гибели 118 сотрудников Нацгвардии, основные потери пришлись[9] на первые несколько дней вторжения.

В Украину нацгвардейцев перебросили 24 февраля — кого-то из Беларуси, кого-то из приграничных областей России, куда в начале февраля их отправили на учения «Заслон-2022». Так случилось и с оперативной ротой ОМОНа «Пластун» из Краснодарского края. 12 бойцов, включая командира взвода Фарида Читаева, сочли приказ об отправке в Украину незаконным, их вернули в Краснодар и после внутренней проверки уволили.

«Движение отряда началось 24 февраля с девяти до десяти утра и осуществлялось на автомобилях КамАЗ, броневике "Тигр", автомобиле "Урал" и БТР по асфальтированной автодороге, которая проходила через Чернобыль. <ÿ.ÿ Движение отряда осуществлялось с другими отрядами Росгвардии, которые дислоцировались в поле вместе с нами. Количество человек было более одной тысячи», — рассказывал один из бойцов другого отряда ОМОНа, прибывшего на учения из Хакасии.

Омоновцы вспоминали, что перед ними поставили задачу «охраны улиц и перекрестков Киева». С собой у них были щиты и дубинки для разгона демонстраций.

Как писало хакасское издание «Новый Фокус», в тот же день растянувшуюся на много километров колонну омоновцев из Хакасии, Кемеровской области и Красноярского края начали «уничтожать из тяжелого вооружения и с воздуха украинские войска», и силовикам пришлось бежать, так как у них не хватало вооружения. 11 омоновцев, которые отказались дальше воевать, вернули обратно в Хакасию и там уволили «в связи с совершением проступка, порочащего честь сотрудника войск Национальной гвардии».

Ни до Киева, ни до Харькова российская армия так и не дошла. Харьковские волонтеры потом рассказывали, что собрали оставшуюся от разбитых колонн Нацгвардии амуницию и использовали дубинки и шокеры для борьбы с мародерами.

Иллюстрация: Аня Леонова / Медиазона

Отказались воевать и около 80 морпехов-срочников из Крыма, писали «Грати». Срочники оказались в бою, прослужив всего несколько месяцев, и в Херсонской области сразу же попали под минометный огонь.

В той же Херсонской области в первые дни войны под обстрелом оказались и колонны военных и нацгвардейцев из Северной Осетии. «В осетинском языке есть выражение: "Гром гремит так, словно небо о землю стучится". В момент бомбардировки было так же — "полегли" практически все и сразу. До сих пор страшно об этом вспоминать. Тогда-то и стало

ясно, что нас просто кинули в мясорубку и Россия не готова к войне. Оставшиеся в живых поняли, что надо возвращаться домой», — рассказывал «Кавказ.Реалии» один из военных.

Многие из них приняли решение вернуться в Россию, и там их уволили за нарушение условий контракта. Оценить число вернувшихся трудно, но в гарнизонный суд Владикавказа позже поступило не менее 40 исков[10] от военных и росгвардейцев, оспаривавших увольнение.

«Мы попали под артобстрел в первый же день, 24-го числа утром, в Харьковской области. Мы направлялись [в сторону Харькова] через поля, через деревни, села, и вот первая же деревня, первые жилые дома, магазинчики, люди на дорогах стояли... И все, попали под обстрел», — рассказал «Медиазоне» боец из Кабардино-Балкарии, один из тех, кого уволили после возвращения в Звездный.

Среди бойцов были погибшие и пострадавшие с осколочными ранениями, продолжает другой: «После нападения мы по полям бродили несколько суток. Останавливались на ночь; одна ночь у нас была, когда ездили без остановки. Охраняли сами себя. Потом топливо начало заканчиваться — водители жаловались, что топлива мало. К тому же, чтобы печка в "Урале" работала, надо было "Урал" постоянно держать заведенным».

Проскитавшись так четверо суток, бойцы приняли решение вернуться в Россию. По их словам, это было согласовано с командирами: «Было сказано высшим руководством, что кто не хочет выполнять

служебно-боевые задачи, то покидайте. Кто остается — перегруппировку сделают, штурмовой отряд сделают, и мы дальше действуем. Кто не хочет, уходит».

Из всего отряда, вспоминают сослуживцы, в Украине остались только несколько десятков — кто-то из-за денег, другие опасались уголовного преследования или того, что их будут называть трусами. «Когда были под Харьковом, люди начали возмущаться: говорили, что это повтор Чечни, мы просто как мясо тут и что предоставьте нам бронетехнику, чтобы мы под брезентом не заезжали. Потому что под брезентом туда ехать смысла нет — мы уже видели, как по нам стреляют», — вспоминает собеседник «Медиазоны».

Именно тогда, 28 февраля, перед решившими вернуться в Россию бойцами выступал подполковник Икаев, грозивший им проверками и статусом «военных преступников». После того как росгвардейцы прибыли сначала в Журавлевку под Белгородом, а потом в Зорино под Курском (там, на базе учений «Заслон-2022», у бойцов забрали оружие), они 4 марта отправились на постоянную базу в поселок Звездный в Кабардино-Балкарии.

Видимо, перед этим в Зорино с вернувшимися встретился высокопоставленный генерал Нацгвардии, предположительно Михаил Романов[11], который заверил, что никаких последствий для них не будет.

«И то, что произошло, то, что увидели вы, стоящие передо мной, я еще раз повторюсь, многие за всю жизнь такого никогда не увидят и не перенесут. На

сегодняшний момент принято решение директором войск Национальной гвардии [Виктором Золотовым], командующим войсками, вам еще раз довести: вас никто не считает отказниками, вас никто не считает дезертирами, как было сказано кем-то, я не знаю кем», — говорит[12] военачальник и добавляет, что «нужно исполнять свой долг в том объеме, в котором нужно его выполнять».

Кто-то из нацгвардейцев даже решил вернуться в зону боевых действий, но при условии, что им предоставят нормальную бронетехнику, вспоминает один из бойцов: «На что зампотех округа, по-моему, ответил: нет, бронетехнику предоставлять мы не можем. У вас есть своя техника, мы ее будем ремонтировать и будем действовать на ней. Еще у кого-то было желание вернуться обратно, но они потеряли доверие к командованию. Думали, что сейчас перегруппируют и с другим командованием обратно пустят. Никого не приняли обратно. Сказали: нет, вы там не нужны. Командир полка не хочет. Говорят, сейчас кто-то добровольцем уехал, но через кого, я не знаю».

140 нацгвардейцев в гарнизонном суде

В Звездном около 500 вернувшихся нацгвардейцев были уволены[13] за «отказ продолжить участие в выполнении служебного задания». Увольнение было оформлено как «дисциплинарное взыскание в виде досрочного увольнения с военной службы в связи с невыполнением военнослужащим условий контракта». Причиной совершения бойцами таких «грубых дисциплинарных проступков», по

утверждению командования, стали их «низкие морально-волевые качества».

При этом некоторые из сотрудников, по словам собеседников «Медиазоны», и так планировали покинуть службу из-за проблем со здоровьем. Но теперь лишились этой возможности: «Много людей, которые собирались уволиться по состоянию здоровья, но всех нас уволили по отрицательным мотивам».

Как минимум 140 уволенных решили обжаловать это решение в суде: 115 нацгвардейцев составили коллективный иск, еще 25 человек подали иски по отдельности. Они настаивают, что не отказывались воевать, а лишь просили командование предоставить им должное боевое обеспечение и указывали на отсутствие навыков для выполнения штурмовых задач. Кроме того, в список задач нацгвардейцев входит все что угодно-, но не ведение боевых действий на территории другого государства. Для этого нужно отдельное распоряжение Верховного главнокомандующего Владимира Путина, утвержденное Советом Федерации. Но его не существует.

Кроме того, бойцы настаивают, что не нарушали приказов своих командиров, когда возвращались из Украины. «Мы вернулись, получается, на пятый день, 28-го числа. Приехали в Зорино. Оружие, боеприпасы — все сдали под роспись, оружие никто нигде не бросил, никто самовольно не убегал. Командировочные получили на руки», — рассказывает один из нацгвардейцев.

Никто не удерживал их и на базе в Зорино: «Приказа, чтобы мы там оставались, не было. Если бы был приказ, никто никуда и не уехал бы». Наоборот, замкомандира полка по тыловой части предложил отправиться обратно в Кабардино-Балкарию: «Если на поезде хотите уехать, то надо время, надо ждать. Если не хотите, то автобусы закажите, и так можете уехать. Мы заказали, по пять тысяч оплатили сами и уехали. Нас никто не держал, нам никто не приказывал оттуда не уезжать».

Во время рассмотрения коллективного иска свидетели из числа командиров части утверждали, что разрешения на отъезд никто не давал. И что бойцы самовольно отказались выполнять «служебное задание» во время командировки «за пределами постоянного места дислокации войсковой части 3723». Прямо Украина в решении суда не упомянута ни разу — она называется исключительно «местом выполнения служебного задания».

Иллюстрация: Аня Леонова / Медиазона

«Грубые дисциплинарные проступки» по всей стране

Схема, по которой были уволены нацгвардейцы из Кабардино-Балкарии, судя по всему, типичная. Сообщество «Военный омбудсмен», консультирующее российских военнослужащих, публиковало телеграмму командующего ВДВ, по

сути, инструкцию, как поступать с «отказниками». В ней грубые дисциплинарные взыскания за отказ воевать упоминаются как причина для разрыва контракта.

Под такими предлогами, судя по всему, увольняли военных и нацгвардейцев из Хакасии, Краснодара, Пскова и Владикавказа. Во Владикавказе уволенные тоже подали коллективный иск: в карточке дела были указаны[14] 30 истцов, еще некоторое количество исков рассматривается по отдельности. Коллективно обратились в суд и краснодарские омоновцы из отряда «Пластун», впрочем, уже к первому заседанию стало ясно, что 9 из 12 человек отозвали свои иски. Дело еще рассматривается[15]; как и в случае остальных исков об увольнениях за отказ воевать, суд проходит в закрытом режиме. Видимо, обжалуют увольнения и отдельные бойцы хакасского ОМОНа[16].

По словам главы правозащитной группы «Агора» Павла Чикова, география отказников гораздо шире: военные и нацгвардейцы обращались к правозащитникам из 17 городов. Помимо упомянутых выше регионов, это Черкесск, Самара, Подмосковье, Великий Новгород, Симферополь, Новочеркасск, Ставрополь, Псков, Оренбург, Улан-Удэ, Петербург и Смоленск.

Но оценить число уволенных за отказ воевать в Украине по искам в судах вряд ли возможно, далеко не все обжалуют увольнения. Так, из пяти сотен уволенных в КБР до суда дошли 140 человек. Кто-то не видит в этом смысла, кто-то уходит[17] со службы сам, а кто-то разрыву контракта только рад.

Как, например, Максим Калугин[18], о котором «Медиазона» уже рассказывала. По словам солдата, он в принципе против войны с Украиной, а родные и бывшие сослуживцы за отказ воевать его не осуждают. В армии прослужил три года, но теперь хочет заняться чем-то более интересным: устроился работать барменом и учится на разработчика игр.

Калугина тоже уволили за «грубый дисциплинарный проступок». Забирая военный билет из отдела кадров, он обнаружил, что в документе поставили печать с надписью: «Склонен к предательству, лжи и обману. Отказался от участия в специальной военной операции на территории ЛНР, ДНР и Украины в 2022 году». И это не единственный подобный случай.

Молодой человек рассказывает, что некоторые его сослуживцы, вернувшиеся из Украины с ранениями, отказались отправляться туда второй раз, но продолжают спокойно служить: «Я спрашивал у друга. Кто там был, за отказ ехать второй раз не увольняют».

В гарнизонных судах по всей России «Медиазона» нашла около 300 дел[19], поступивших с 24 февраля, где военнослужащие оспаривали свое увольнение, вероятно, большинство из них не связано с войной.

Многих, например, уволили за пьянство во время служебных командировок; другие рассказывали-[20] «Медиазоне», что причиной увольнения были личные конфликты на службе.

В одном из регионов несколько контрактников из авиационной части лишились службы из-за мелкой взятки физруку за сдачу нормативов. Один из них рассказал «Медиазоне», что обвинения с него сняли, теперь он обжалует увольнение из одной части и раздумывает, не пойти ли в другую.

«Меня больше даже не война пугает. Меня больше пугает, что у меня там родственники в Украине. Как они настроены против нас, конкретно нашей семьи. Родственники, грубо говоря, не родственники», — признается молодой человек. Он рассказывает о своем одногруппнике, который сразу подписал контракт вместо того, чтобы проходить срочную службу. В начале войны этот контрактник[21] отказался ехать в Украину, его уволили и перевели обратно на срочную службу.

Адвокат Максим Гребенюк из сообщества «Военный омбудсмен» говорит, что число обращений от уволенных военных уже превышает несколько сотен. «Две категории [отказников]. Есть те, которым предлагают в пункте постоянной дислокации убыть на "специальную военную операцию" — они отказываются на месте. Есть категория военнослужащих, которые уже участвуют в "специальной военной операции" и отказываются непосредственно там», — объясняет Гребенюк.

Вторых, как правило, увольняют после возвращения в часть.

Воевать отказываются не только рядовые, но и офицеры. Один из них, Руслан Григорьев[22], служит на северо-западе России. Григорьев рассказал «Медиазоне», что его решили уволить после категорического отказа отправляться в Украину. Он говорит, что и сам планировал со временем уйти со службы, но ждал окончания контракта.

Аттестационная комиссия единогласно постановила, что офицер ослушался приказа. «Причем я знаю, что как минимум несколько человек на моей стороне были, — говорит он. — Но во-первых, их голоса ни на что бы не повлияли. Я с ними сам разговаривал, они не знали, как поступать. Я говорю: если все будут против меня, голосуйте тоже [против]. Потому что, ну, не надо себя подставлять». Григорьев вспоминает, что, стоя перед дверью кабинета, где сидели члены комиссии, слышал, как командир требовал голосовать за увольнение, обещая в противном случае проблемы от ФСБ.

Пока что Григорьев оспаривает решение комиссии в суде и продолжает служить в той же части, потому что приказ об увольнении из управления военного округа еще не пришел. Руководство части с его уходом смирилось, а отношения с коллегами остались на прежнем уровне.

«С ними я вполне нормально общаюсь, — говорит офицер. — Я с ними делюсь [мыслями], и нормально все ко мне относятся. Есть люди, с которыми я общаюсь, как будто ничего не было. С начальством

я общаюсь тоже, как будто ничего не было. А есть отдельно взятые люди, которые чуть ли не предателем считают, но их на самом деле немного».

Провластные издания и телеграм-каналы называют уволенных военнослужащих не иначе как «дезертирами» и «трусами», не вникая в обстоятельства, из-за которых они отказываются воевать. В Ингушетии, к примеру, анонимные каналы травят росгвардейца Муслима Муцольгова, который не поехал в Украину. Хотя он, по словам родных[23],

еще до начала вторжения уехал с учений в отпуск, чтобы навестить больного отца, но в Ингушетии его уволили за отказ воевать. Теперь Муцольгов оспаривает это решение в суде.

Во Владикавказе суд частично удовлетворил иск 30 военных. Приказ об увольнении признали законным, но при этом уволенным должны будут выдать вещевое довольствие или компенсацию за него — то, что не выдали во время службы.

«Решением суда в удовлетворении коллективного иска отказано в части требований о признании действий и решений воинских должностных лиц, связанных с привлечением к дисциплинарной ответственности, увольнением с военной службы и исключением из списков личного состава воинской части», — говорится в ответе суда на запрос «Кавказского узла».

115 нацгвардейцам из Звездного не удалось пока добиться даже обеспечения «вещевым имуществом при исключении из списков личного состава воинской части» — суд признал увольнение

полностью законным. Сегодня некоторые из подавших иски говорят, что могли бы и отправиться в Украину.

«Многие люди готовы туда вернуться, несмотря на это все, — замечает один из уволенных бойцов. — Можно сказать, все. Эти люди не просто не отказники, это люди, готовые вернуться и выполнять приказы».

Редактор: Егор Сковорода

---

1. Аудиозапись есть в распоряжении «Медиазоны». Подлинность записи подтвердили присутствовавшие на встрече бойцы. Сам Заур Икаев во время рассмотрения иска уволенных нацгвардейцев не отрицал сам факт разговора с отказавшимися воевать дальше подчиненными.
2. Для обозначения Войск национальной гвардии используются как сокращение Росгвардия, так и Нацгвардия. «Медиазона» по традиции обычно писала Нацгвардия, но сейчас использует и обозначение Росгвардия — в этом тексте могут встретиться оба варианта.
3. Корреспондент «Медиазоны» поговорил по телефону с несколькими из сотен присутствовавших там сотрудников. Все согласившиеся на разговор просили не указывать их имен.
4. Автомат Калашникова.
5. Ручной пулемет Калашникова.
6. Снайперская винтовка Драгунова.
7. Автоматический гранатомет на станке. Такие гранатометы, обычно калибра 30-40 мм, предназначены для поражения живой силы и небронированных средств противника. Стрельба может вестись со станка-треноги или со специальных установок на бронетехнике.
8. О существовании указа, хоть как-то напоминающего описанный, ничего не известно.
9. Точная дата смерти известна у 57 бойцов, 28 из них погибли за несколько дней с 24 по 28 февраля.

10. Следует из подсчетов по карточкам дел на сайте суда. Сейчас информация о части истцов и ответчиков скрыта, но «Медиазона» успела ознакомиться с ней ранее. В качестве ответчика чаще всего указано командование 58 общевойсковой армии Минобороны или относящейся к Войскам национальной гвардии части 3754.
11. Генерал-майор Михаил Романов занимает пост заместителя командующего Северо-Кавказским округом войск национальной гвардии по работе с личным составом. Голос человека на аудиозаписи встречи с бойцами похож на голос Романова на записях его публичных выступлений.
12. Фрагмент видеозаписи с выступлением есть в распоряжении «Медиазоны».
13. Следует из приказа командира войсковой части 3723 о привлечении к дисциплинарной ответственности и решения Нальчикского гарнизонного военного суда по иску нацгвардейцев. Документы есть в распоряжении редакции.
14. Сейчас на сайте Владикавказского гарнизонного военного суда имена истцов скрыты, «Медиазона» ознакомилась с ними ранее.
15. Иск рассматривается Краснодарским краевым судом, туда дело перенесли из Прикубанского районного, сославшись на наличие в материалах дела секретной информации.
16. В Абаканском городском суде нашлись два иска, но указанные в них бойцы разговаривать с «Медиазоной» не стали. Кроме того, часть уволенных омоновцев была допрошена по делу журналиста Михаила Афанасьева, который первым рассказал их историю. Сейчас Афанасьев обвиняется по уголовному делу о «фейках» (статья 207.3 УК).
17. Например, недавно «Кавказ.Реалии» сообщали, что нацгвардейцы из Краснодара отказались повторно ехать на войну из-за низких выплат. По данным издания, пять сотрудников подали рапорты о выходе на пенсию, еще пять уволились по другим причинам.
18. Имя изменено.
19. Коллективные иски обнаружились только в двух случаях — в Нальчике и Владикавказе. При этом нельзя исключать, что где-то имена и число истцов были изначально скрыты, а где-то в карточке дела не была указана точная причина иска.

20. «Медиазона» обзвонила десятки истцов. Некоторые сразу отказывались от разговора, кто-то объяснял, что его дело не связано с Украиной, лишь единицы согласились хотя бы коротко рассказать свои истории об увольнении за отказ воевать.

21. «Медиазоне» известно имя молодого человека, но дозвониться до него не удалось. Сейчас, по словам приятеля, он все еще проходит срочную службу.

22. Имя изменено. Звание и род войск собеседник тоже попросил не указывать.

23. Такую версию привел «Медиазоне» его родственник, известный правозащитник Магомед Муцольгов. С самим Муслимом связаться пока не удалось.